

Н. Ф. ВУДАНОВА

«СПОР» ДОСТОЕВСКОГО С ТУРГЕНЕВСКИМ ПОТУГИНЫМ О ПРЕКРАСНОМ

Многочисленные записи о Тургеневе, «Дыме» и Потугине в черновых подготовительных материалах к «Дневнику писателя» за 1876—1877 гг., опубликованные в полном объеме в академическом издании Достоевского,¹ представляют большой научный интерес для изучения идейно-литературных и личных отношений Достоевского и Тургенева 1860—1870-х гг.²

Эти материалы позволяют уяснить суть идеологического спора Достоевского с автором «Дыма», о котором самое общее представление дает известное письмо Достоевского к А. П. Майкову от 16 (28) апреля 1867 г. с крайне субъективным описанием баденской ссоры писателей.

Достоевский оказался удивительно последовательным в своем неприятии «Дыма» и особенно Потугина, до конца жизни сохраняя отрицательное отношение к этому роману.³

Потугин как некий обобщенный, собирательный образ крайнего западника, слепого поклонника европейской цивилизации, не верящего в самобытные силы русского народа, становится постоянным оппонентом автора «Дневника писателя» 1876—1877 гг.

Пolemика с Потугиным и потугинскими по актуальнейшим проблемам современной русской и западноевропейской общественной жизни проходит открыто и завуалированно через многие страницы «Дневника писателя».

Спор Достоевского с Потугиным о прекрасном, занимающий большое место в черновых материалах к «Дневнику писателя» за 1876 г., не привлекал еще внимания исследователей.

¹ См. т. 22—26 этого издания. Частично опубликованы: 1) *Бельчиков Н. Ф. Тургенев и Достоевский: Критика «Дыма»*. — *Литература и марксизм*, 1928, № 1, с. 63—94; 2) *Записные тетради Достоевского. 1875—1877* / Подгот. текстов Л. М. Розенблюм. — *Лит. наследство*, 1974, т. 83.

² Тема «Достоевский и Тургенев» не получила специальной научной разработки в содержательной монографии Л. М. Розенблюм «*Творческие дневники Достоевского*» (М., 1981).

³ «Дым», пожалуй, единственный роман Тургенева, не удовлетворивший Достоевского также в художественном отношении. В черновых записях Достоевский отмечает, что Тургенев не знает России, пишет о «задачей художественности», надуманных характерах и ситуациях в «Дыме» и т. д. (см., например: 24, 74, 76—77, 79).

Н. Ф. Бельчиков справедливо предположил, что внешним поводом к запоздалому, казалось бы, обращению Достоевского к «Дыму» в 1876 г. послужило упоминание Потугина в некрологе В. Г. Авсеенко, посвященном А. К. Толстому.⁴

Речь идет о следующих строках: «Граф Толстой мнее всего наименовал тех почитателей народности, которые, по выражению Потугина в „Дыме“, обращаются к народу словно пустые сосуды: влейся, мол, в нас, живая вода. У графа Толстого в его так называемых народных произведении в характерную народную речь и в народные образы облекалась обыкновенно собственная мысль, собственное чувство».

Скорее всего, однако, в статье В. Г. Авсеенко Достоевского задело не столько упоминание ненавистного ему Потугина, сколько фраза о «пустых сосудах» и «живой воде»,⁵ полемически направленная против славянофильских представлений о характере взаимоотношений интеллигенции и народа, которую Достоевский, вероятно, воспринял как язвительный намек на собственные его убеждения.

К концу 1875 г. Достоевский перечитал «Дым» и, очевидно, пришел к выводу, что роман не утратил своей актуальности. У писателя возникло намерение «дать отпор» идеям Потугина уже в первых выпусках «Дневника писателя» за 1876 г.

Анализ черновых записей, относящихся к «Дыму» в записных тетрадах 1875—1877 гг. и в других подготовительных материалах к «Дневнику писателя», позволяет воссоздать в общих контурах широко задуманную, но лишь частично осуществленную Достоевским полемику с автором «Дыма».

При повторном чтении «Дыма» внимание Достоевского-poleмиста, в частности, привлекали суждения тургеневского героя о русском народном творчестве (см.: Т. Соч., IX, 236—237) и в особенности потугинская ироническая характеристика русского былинного героя Чурилы Плеповича, которую писатель расценил как клевету на русский народ и его идеалы.

⁴ См.: *Литература и марксизм*, 1928, № 1, с. 65—66. — Полярский выпуск «Русского вестника» за 1875 год, в котором был опубликован этот некролог, упоминается в записной тетради Достоевского за 1875—1876 гг. (см.: 24, 67), а вслед за этим упоминанием следует серия записей о Тургеневе, «Дыме» и Потугине.

⁵ В. Г. Авсеенко ошибочно привнес Потугину следующее суждение Шубина об Инсарове (роман «Накануне»): «Ол с своєю землею связан — не то, что наши пустые сосуды, которые ластятся к народу: влейся, мол, в нас, живая вода!» (*Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Соч. М.; Л., 1964, т. 8, с. 60.* — В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с обозначением: Т. Соч. и с указанием римской цифрой тома, а арабской страницы). Достоевский повторил эту ошибку Авсеенко. Запомнившееся ему выражение о «пустых сосудах», ластящихся к народу, и в дальнейшем неизменно ассоциировалось у него с Потугиным (см. полемику с Авсеенко в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г.).

Образ Потугина, по признанию самого Тургенева, вызвал «многообразные нарекания» и «более всех других» оскорбил «патриотическое чувство публики» (там же, 329).

В предисловии к отдельному изданию «Дыма» (1868 г.) Тургенев собирался специально разъяснить Потугина и его взгляды, но отказался от этого намерения и ограничился тем, что в отдельном издании романа придал Потугину «несколько новых черт, еще определеннее высказывающих его значение, сущность и смысл» (там же). Тургенев усилил в западнических взглядах своего героя идею творческого характера заимствования Россией лучших достижений европейской цивилизации. (Там же, с. 171—173: «Но позвольте мне сделать вам одно замечание <...> начал он опять»).

Отказавшись от прямой полемики с критиками «Дыма», Тургенев тем не менее в завуалированной форме осуществил свое намерение в «Воспоминаниях о Белинском», вошедших в состав «Литературных и житейских воспоминаний» (1869).

Обращение Тургенева в 1869 г. к памяти Белинского не было случайным. Провозгласив себя учеником и последователем Белинского, Тургенев ссылкой на высокий авторитет учителя попытался защитить Потугина, скромного рядового западника, от нападков критиков, обвинявших писателя в оскорблении русского национального чувства, слепом преклонении перед Западом, в незнании России и т. д.

В характеристике западнических убеждений Белинского Тургенев также выделил идею творческого заимствования Россией достижений европейской цивилизации.

«Белинский был вполне русский человек, даже патриот <...> благо родины, ее величие, ее слава возбуждали в его сердце глубокие и сильные отзывы. Да, Белинский любил Россию; но он также пламенно любил просвещение и свободу: соединять в одно эти вышние для него интересы — вот в чем состоял весь смысл его деятельности, вот к чему он стремился» (Т. Соч., XIV, 42—43).

В подтексте тургеневской характеристики Белинского заключена мысль, что можно быть одновременно сторонником европейского просвещения и русским патриотом, можно критически относиться к «народным началам», народному творчеству и в то же время горячо любить русский народ, верить в его великое будущее. Такова была своеобразная форма защиты, избранная Тургеневым.⁶

⁶ Ср. в предисловии к «Литературным и житейским воспоминаниям» («Вместо вступления»): «И я не думаю, чтобы мое западничество лишило меня всякого сочувствия к русской жизни, всякого понимания ее особенностей и нужд. „Записки охотника“ <...> были написаны мною за границей <...> преданность моя началам, выработанным западной жизнью, не помешала мне живо чувствовать и ровно оберегать чистоту русской речи. Отечественная критика, вводящая на меня столь многочисленные, столь разнобразные обвинения, помнится, ни разу не укоряла меня в нечистоте и неправомерности языка, в подражательности чуждому слогу» (там же, 9—10).

Западнические убеждения Белинского, пишет Тургенев, «ни па волос не ослабили в нем его понимания, его чутья всего русского, не изменили той русской струи, которая была во всем его существе». В подтверждение своей мысли Тургенев сослался на статьи критика «о народных песнях и былинах»,⁷ которые «выражают читателя глубоким и живым пониманием народного духа и народного творчества» (там же, 43).

Упоминание Тургеневым статей Белинского о народном творчестве и их высокая оценка знаменательны. Очевидно, писатель преследовал скрытую цель подчеркнуть, что он является последователем фольклористических взглядов Белинского, и тем самым указать источник некоторых высказываний Потугина о народном творчестве.

Действительно, у Белинского можно встретить резкие, парадоксальные суждения о русском фольклоре, полемически направленные против идеологии официальной народности и сформировавшегося в 40-е гг. славянофильства.⁸ Эти суждения давали повод некоторым критикам и историкам литературы укорять Белинского в слабом знании и непонимании народного творчества, высокомерном, презрительном к нему отношении и т. п.

Прекрасный знаток и тонкий ценитель русского фольклора, Белинский подходил к нему без предвзятой идеализации, так как видел в нем отражение исторической жизни народа, сложной и противоречивой по своему характеру. В некоторых произведениях народного эпоса критик отмечал слабо развитый эстетический идеал и художественный вкус, грубое, непозитивское выражение чувства любви, рыцарское отношение к женщине.

Народная жизнь допетровской Руси представлялась Белинскому самобытной, оригинальной, но во многом неразвитой, односторонней, замкнутой. Народное творчество, свидетельствующее, по мнению критика, о духовной одаренности и талантливости русского народа, отражало также отрицательные, темные и грубые стороны его исторического быта.

М. К. Азадовский убедительно показал, что суждения Потугина о русском народном творчестве, о благотворном влиянии европейской цивилизации на народную поэзию, любовь (поэтизация, романтизация любви), на формирование у народа эстетического идеала и вкуса, высказывание об изображении любви и любящих пар в русских былинах, характеристика Василия Буслаева — все это восходит к статьям Белинского 1840-х гг.⁹

⁷ Тургенев несомненно имел в виду цикл статей (4) Белинского «Древние российские стихотворения...» (1841).

⁸ Об отношении Белинского к фольклору см.: Азадовский М. К. 1) Белинский и русская народная поэзия; 2) Народная песня в концепциях русских революционных просветителей 40-х годов. — В кн.: Азадовский М. К. Статьи о литературе и фольклоре. М.; Л., 1960, с. 260—340. См. также: Бродский Н. Л. Белинский и Тургенев. — В кн.: Бродский Н. Л. Избранные труды. М., 1964, с. 197—224.

⁹ См.: Азадовский М. К. «Певцы» И. С. Тургенева. — В кн.: Азадовский М. К. Статьи о литературе и фольклоре, с. 399—401.

Характерно, что Потугин прибегает к тем же примерам и цитатам из былин, что и Белинский в цикле статей «Древние русские стихотворения...».¹⁰

В свете фольклорных статей Белинского становится очевиден пресветильский и аптиславянофильский пафос резких суждений Потугина о народном творчестве.

Потугин в понимании Тургенева отнюдь не космополит; напротив, он своеобразный патриот. Любовь к родине сочетается в нем в духе «отрицательного» западничества 1840-х гг. с ненавистью ко всему тому, что мешает ее прогрессивному развитию по общеевропейскому пути.¹¹

Он резко критикует некоторые черты русского народа, выходящие, если употребить выражение Белинского, «из невежества и неспросвещения», но вместе с тем признает народную самобытность и одаренность. По мысли Потугина, народ вынес коренную ломку многовекового строя и быта, явившуюся следствием петровских преобразований, именно потому, что оказался самобытным и сильным, что у него «крепка натура» (там же, 172). О вере Потугина в самобытность русского народа свидетельствует также его убеждение, что «народный желудок» переварит по-своему «пищу добрую» (т. е. лучшие достижения европейской цивилизации), а со временем, «когда организм окрепнет, он даст свой сок» (там же, 171).

Потугин не является также, как это представлялось многим критикам, огульным отрицателем народного творчества. Подчеркивая негативные стороны народной культуры, явившиеся следствием неблагоприятного исторического развития русского народа, Потугин выступает как противник патриархальной отсталости и

¹⁰ Белинский, в частности, отметил грубые, цыганские формы отношения к женщине («оскорбительные» и «возмутительные» для чувства) в былинке о Дунае и Маринке. В качестве примера критик привел следующие строки из былинки:

«Скочил он, Дунай, с добра копия
И горазд он с девицею драгился,
Ударил он девицу по щеке,
А шул он девицу под <...>
Женский пол от того пухол живет...»

(Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1964, т. 5, 367).

Выражение «Женский пол от того пухол живет» Белинский в различных вариациях повторяет затем в статье в тех случаях, когда стремится подчеркнуть грубые, неразвитые формы отношения полов в допетровской России. Это же выражение произносит в «Дыме» Потугин, характеризуя обращение «свитарусского богатыря» со своей суженой-ряженой (Т. Соч., IX, 237).

¹¹ Ср.: «Я ее страстно люблю и страстно ее ненавижу <...> Да-с, я и люблю и ненавижу свою Россию, свою страшную, милую, скверную, дорогую родину» (там же, с. 173—174).

ограниченности, как пропагандист идеи европейского просвещения и образования народа.¹²

Шаржированный образ Чурилы Пленковича, нарисованный Потугиным для характеристики «поэтического идеала нецивилизованного русского» (т. е. русского человека допетровской эпохи),¹³ восходит к былинке о Дюке Степановиче в записях П. Н. Рыбникова.¹⁴

Чурило Пленкович — центральный персонаж двух былин — «Чурило и Князь» и «Чурило и Катериша» (названия этих былин варьируются). Он является также одним из главных действующих лиц былинки о Дюке Степановиче, широко распространенной и известной в многочисленных записях.

Чурило неизменно изображается в былинах как молодой красивый щап, то есть флант, щеголь, пользующийся огромным успехом у женщин.¹⁵

Былинка повествует о состязании в богатстве и щегольстве двух молодых щапов — Дюка Степановича и Чурилы Пленковича, закончившегося полным посрамлением последнего. В былинке подробно описываются богатые наряды обоих щапов.

Чурило сын Пленкович
Обул сапожки-то зелен сафьян;
Носы шилом, а пяты остры,
Под пяту хоть соловой лети,

¹² Именно таков смысл полемического суждения Потугина о русском фольклоре (там же, 236). Чрезмерное превознесение славянофилами «наивного», «бессознательного» народного творчества и противопоставление его европейской культуре ассоциируется у Потугина с идеализацией патриархальной старины и отсталости.

¹³ «Вот, извольте посмотреть: идет жель-премье; шубоньку сшил он себе кунью, по всем швам строчкою, поясок семишпенковый под самые мышки подведен, персты закрыты рукавчиками, ворот в шубе сделан выше головы, спереди-то не видать лица румяного, сзади-то не видать шеи безымянной, паночка сидит на одном ухе, а на носках сапоги сафьянные, носы шилом, пяты остры — вокруг носика-то носа яйцо кати; под пяту-пятую воробей лети — перепурхивай. И идет молодец частой, мелкой походочкой, той знаменитой «щепливой» походкой, которою наш Алкивиад, Чурило Пленкович, производил такое изумительное, почти медицинское действие в старых бабах и молодых девах, той самой походкой, которою до нынешнего дня так неподрожжимо семявит наши по всем суставам развитые половые, эти славки, этот цвет русского щегольства, этот *plus ultra* «высшая степень» — *лат.* русского вкуса. Я это по шутя говорю; мошкватое ухарство — вот наш художественный идеал». — Там же, 237.

¹⁴ См.: Песни, собр. П. Н. Рыбниковым; Народные былинки, старины и побывальщины. М. и др., 1861—1867. Ч. 1—4. См. также: Кийко Е. И. Роман Тургенева «Дым» и русские былинки в записях П. Н. Рыбникова. — В кн.: Тургеневский сборник. Л., 1968, т. 4, с. 162—165.

¹⁵ Последняя деталь, иронически подчеркнутая в потугинской характеристике Чурилы (см. выше), свидетельствует, что Тургенев был хорошо знаком с былинкой о Чуриле в записи П. Н. Рыбникова. На это указывает, в частности, отброшенный писателем вариант чернового автографа: «Вспомните, вспомните описание впечатления, производимого нашим

А кругом пяты хоть яйцом кати,
Надел он шубу-то собольюю;
Во пуговках пяты добры молодцы,
В петельках шиты красные девиды;
И паложил он шапку черну мурманку,
Ушисту, пушисту, завесисту;
Спереди не видно псных очей,
А сзади не видло шеи белыя.¹⁶

Характеристики соперников, изощряющихся в хитроумных выдумках, чтобы персшеголять друг друга, пронизаны тонким юмором.

В. Я. Пропп, усмотревший в этой былине сатиру на боярских модников XVII в., отметил, что мода того времени могла дать обильную пищу для пародии.¹⁷

Тургенев, если судить по потугинской характеристике Чурилы Пленковича, очевидно, не заметил сатирического характера изображения народным сказителем этого боярского щеголя,¹⁸ с его пристрастием ко всему модному, необычному, заморскому,¹⁹

Алкоголядом Чурилой Пленковичем на молодых девок с их голенищами» (отмечено Е. И. Кийко в упоминавшейся выше статье). См.: Песни, собр. П. Н. Рыбниковым. М., 1861, ч. 1, с. 267.

¹⁶ Песни, собр. П. Н. Рыбниковым, Петрозаводск, 1864, ч. 3, с. 458. Ср. с описанием одежды молодцов из дружины Чурилы:

Сапожки на ножках зелен сафьян,
Посы по пос шилом, пяты востры,
Около посов-посов яйцом покати,
Под пяту-пяту воробышко летит,
Воробышко летит, перенуркивает

(там же, ч. 1, с. 263).

¹⁷ Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е, испр. изд. М., 1958, с. 479, 503—507.

¹⁸ Ироническое отношение сказителя к Чуриле Пленковичу подчеркивает, в частности, и конец былины о Дюке Степановиче: Дюк по просьбе князя Владимира, княгини и киевских женщин мизует посрамленного Чурилу («Владимиром упрощелый», «киевскими бабами ушавашый». — Песни, собр. П. Н. Рыбниковым, ч. 1, с. 305) и прогоняет его с напутствием:

Ай ты, Чурило сухоногое!
Поде шапа ты с девками и бабами,
А не с нами, с добрыми молодцами!

(там же, ч. 3, с. 163—164).

¹⁹ Ср. в одной из записей былины:

Надевает Чурила платье цветное,
Платье цветное, самосменное.
Шапочку берет он во пятьсот рублей,
Пушисту, ушисту, завесисту,
Чтобы спереди не видно лица белого,
А сзади бы не видно шеи нежной.
Сапожки на ножки сафьянные,
Этого сафьяну заморского,
Этого покрою немецкого,
Этого шитья было турецкого

(там же, ч. 3, с. 127—128).

так как съел костюм Чурилы выражением эстетического вкуса патриархального, отсталого русского народа, еще не тронутого европейской цивилизацией.

Впрочем, в данном случае Тургенев и упрекать трудно: В. Я. Пропп отметил, что даже многочисленные исследователи былины не заметили в ней юмора и сатиры, а вопрос об идейных и политических тенденциях ее вообще не ставился.²⁰

Конечно, Чурилу Пленковича никак нельзя считать народным «поэтическим идеалом», и Достоевский в данном случае более прав, противопоставив в своих записных тетрадах Чуриле Илью Муромца, в образе которого отразилось народное представление о прекрасном.

Следует признать, что полемически шаржированный Потугинский образ Чурилы Пленковича явился не очень удачной художественной иллюстрацией идеи о необходимости связи национального с общечеловеческим (отождествляемого в данном случае с европейским), о благотворном влиянии западной культуры на формирование и развитие эстетического идеала и вкуса русского народа.

3

Первоначально Достоевский собирался посвятить «Дыму» и полемике с идеями Потугина специальную главу в январско-февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г.²¹

Однако этот замысел не был реализован. Многочисленные заметки в записной тетради 1875—1876 гг. и на отдельных листах связывают тему «Потугин и красота» с главкой «Елка в клубе художников» (январь, глава первая, § III).

Приведем наиболее значительные заметки из черновых подготовительных материалов к январскому выпуску «Дневника писателя» за 1876 г. и из записных тетрадей Достоевского 1875—1876, 1876—1877 гг.:

«Потугин. Костюмы. Александр и Карамзин». «„Дым“ Тургенева». «Бал. Костюмы. Потугин». «Костюм, адская штука, чтоб оплевать Россию». «Пусть Потугин вспомнит хоть себя, когда он был молод (в сороковых годах, что ли)». «Потугин, что такое костюм... (кстати, Потугин). Тут личность, тут как она носит костюм, что она из него делает — рабство». «Детский бал — (всё так, как в черновой). Потугин, костюмы — и проч. Несколько слов о „Дыме“ и о Тургеневе».

«„Дым“, о красоте, Потугин, ругательство на Россию,²² красота Белинского».²³ «Красота, вспомните лакейские ливреи мар-

²⁰ Пропп В. Я. Русский героический эпос, с. 592.

²¹ На это указывает, в частности, черновая заметка в записной тетради Достоевского 1875—1876 гг.: «Статья. 1) Потугин. Тургенев (красота). Цивилизация» (24, 74).

²² На полях рукописи помета: «Бал».

²³ Возможно, что заметка «красота Белинского» навеяна «Воспоминаниями о Белинском» Тургенева. Из тургеневского описания внешнего

низов и маркиз, надающих на носки (Казанова)».²⁴ «В прекрасном народе страшно ошибались. Барельеф Карамзин и Александр Павлович». «Описание танцев, вертящих польку, костюмы <...> (Потугин, Костюмы, Чурило Пленкович, Александр и Карамзин). И потому, что перечел „Дым“. Несколько слов о „Дыме“ (едких)» (22, 137, 138, 140, 141, 144; 24, 73, 74, 91).

Черновые записи (некоторые из них посвящены развернутому характеру) дают возможность воссоздать ход рассуждений Достоевского и установить основные моменты его спора с Потугиным о прекрасном.

Что такое красота (красота внешних европейских форм и красота высшего идеала); идеал прекрасного в современной буржуазной Европе и у русского народа; европейская цивилизация и характер ее влияния на Россию — вот те основные вопросы, навеянные суждениями Потугина, которые, по первоначальному (неосуществленному) плану, Достоевский-полемист, очевидно, намеревался затронуть в главке «Елка в клубе художников».²⁵

Тема бала с описанием танцев и современных европейских костюмов давала писателю возможность сделать экскурс в область прекрасного и поспорить с Потугиным.

Достоевский говорит о необходимости разграничить красоту внешнюю, условную, проходящую (костюмы, мода) и красоту истинную, высшую (идеал прекрасного).

Мода переменчива: «во что одевался человек, то, быв очаровательным в свое время, в весьма скорое потом становится омерзительным». «Лакейские ливреи» французских маркизов и маркиз XVIII в. некогда казались прекрасными. «Фалдочки и фракы» времен Империи и Реставрации теперь смешны, в то время как костюмы древних русских князей «и теперь хороши». «Но для нас хороши, — добавляет Достоевский, — а в Афинах, может быть, были бы забракованы и осмеяны» (24, 87). Что же касается современного европейского костюма, то он, по мнению писателя, еще более уродлив, чем осмеянный Потугиным костюм Чурилы Пленковича.

Облика критика Достоевский мог вывести впечатление об условности самого понятия «красота». Прекрасный Веленский временно совершенно преобразился: глаза его, «в обычное время полувзвешенные ресницами, расширились и сверкали в минуты воодушевления; в минуты веселости взгляд их принимал пленительное выражение приветливой доброты и беспаечного счастья» (Т. Соч., XIV, 26).

²⁴ В мемуарах Ж. Казановы (отрывок из них в переводе на русский язык был опубликован в № 1 журнала «Время» за 1861 г.) внимание Достоевского привлекло описание причудливого костюма дворянина XVIII в.

²⁵ Ср. суждения Потугина: «...мы не одним только знанием, искусством, правом обязаны цивилизации <...> самое даже чувство красоты и поэзия развивается и входит в силу под влиянием той же цивилизации <...> так называемое народное, пассивное, бессознательное творчество есть нелепость и чепуха. В самом Гомере уже заметны следы цивилизации утонченной и богатой; самая любовь облагораживается ею» (Т. Соч., IX, 236).

Остался «незыблемым в красоте», пронизывает Достоевский, лишь «костюм» аптичных богов Аполлона Бельведерского и Венеры Милосской, да и этот «костюм» «не всегда хорош», доказательством чему может служить, по мнению писателя, памятник Н. М. Карамзину в Симбирске.²⁶

«... Оба в древних костюмах, то есть голые, по крайней мере на 9/10», — так характеризует Достоевский изображенные на памятнике фигуры Карамзина и Александра I (24, 68).²⁷

«Так что и костюм Аполлона Бельведерского не всегда хорош, — заключает Достоевский, — <...> Потугин сказал ложь о России из злобы. Не рассуждающим действительно может показаться: „Как Россия ниже всех стран даже и в красоте костюма“» (24, 88).

Смысл этого рассуждения таков: Потугин, осмеявший внешнюю форму Чурилы Пленковича и представивший его «поэтическим идеалом» русского народа, неправомерно сблизил красоту внешнюю, условную, проходящую (костюм, мода) и красоту истинную, высшую, вечно живущую в душе русского народа как идеал прекрасного (православный Христос, былинный герой Илья Муромец).

В записной тетради 1876—1877 гг. Достоевский следующим образом подытожил свой спор с Потугиным о красоте, к сожалению, почти не реализованный в «Дневнике писателя».

«Красота богов и идеала, они являются прямо обнаженные, но не боги и не идеал этого не вынесут. У обыкновенных, текущих людей красота условна. И тогда только очищается чувство, когда соприкасается с красотой высшей, с красотой идеала. Это соприкосновение с красотой идеала есть и в былинах наших, и в сильной степени. Там есть удивительные типы Ильи Муромца²⁸ и фантастического Святогора и проч. Потугин отлично об этом знал,²⁹ но ему надо было оплевать народ русский за его безвку-

²⁶ Работа скульптора С. И. Гальберга (1845).

²⁷ Ср. с отзывом Достоевского о скульптурных конных группах П. Клодта на Англиковом мосту: «Правда, есть идеалы внешнего, но зато же ведь они и голые, а что не идеал, то непременно надо одеть. На Англиковом мосту 4 голых баширки — почему они режут глаза, потому что их никак нельзя привянуть за боги; правда, позы эксцентрические, кони взвываются, кукольные ноги, короткие, но ведь казалось же это приличным» (22, 141).

²⁸ Достоевский всоидоготратно обращался к образу Ильи Муромца, высоко ценил его и видел в нем воплощение лучших национальных черт русского народа. В записной тетради 1876—1877 гг. Достоевский отметил в Илье Муромце такие народные черты, как широкость плеч, выносливость, «чужье», и назвал его «идеалом» «типа великоруса» (24, 309). В мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. Достоевский охарактеризовал Илью Муромца как «внешнего, целомудренного и смиренного христианского богатыря», «подвижника за правду, освободителя бедных и слабых, смиренного и непревзойденного, верного и сердцем чистого» (25, 69).

²⁹ Иными словами, он знал, что истинный идеал русского народа выразился не в Чуриле Пленковиче, а в образах Ильи Муромца и Святогора. Это упрек не столько Потугину, сколько самому Тургеневу, знатоку

спцу, сделать смелым, возбудить к нему презрение и отвращение, и вот он выдернул картину прошедших мод и современной блестящей даме показал, какую глупую пляшку одевала ее мамелька в 20-х годах, т. е. дело шло про Чурилу, но всё равно значение то же. Потугин только забыл взглянуть на себя и на то, как он сам был одет и в чем всю жизнь пахнул прекрасное» (24, 198).

4

Достоевский предполагал вернуться к полемике с Потугиным в февральском выпуске «Дневника писателя». В одном из черновых планов к этому выпуску, наряду с заметками, посвященными делу Кропосберга (писатель узнал о нем из газет в конце января — начале февраля 1876 г.), содержатся записи: «Потугин и красота», «Гений чистой красоты»,³⁰ «Славянофилы и западники» (24, 130).

Тема «Потугин и красота» в черновиках к февральскому, мартовскому и апрельскому выпускам «Дневника писателя» за 1876 г. связывается с проблемой народа и его нравственных идеалов.

В главе «О любви к народу. Необходимый контракт с народом» Достоевский продолжает скрытую полемику с «потугинскими», т. е. с типично западническими, поверхностными представлениями о народном идеале прекрасного.

Достоевский раскрывает здесь свое понимание русского народа, его сущности и характерных черт, высказывает основополагающие для «Дневника писателя» в целом мысли о народе как носителе национального самосознания, обладающем непреходящими нравственными и эстетическими ценностями.

Внешнему, наносному «варварству» русского народа, обусловленному тяжелыми историческими условиями, Достоевский противопоставляет красоту его внутреннего облика и нравственных идеалов. «А идеалы его сильны и святы, — и они-то и спасли его в века мучений; они росли с душой его ископи и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и все это в самом привлекательном, гармоническом соединении» (22, 43). Близость к народу и его нравственной правде для Достоевского — основной критерий в оценке русской литературы.

Ценность русской литературы XIX в. Достоевский определяет прежде всего тем, что вслед за Пушкиным «она, почти вся целиком, в лучших представителях своих и прежде всей нашей интеллигенции <...> преклонилась перед правдой народной, признала идеалы народные за действительно прекрасные» (22, 44).

народного творчества, раскрытому в «Записках охотника» нравственную красоту и богатый духовный мир русского крестьянина.

³⁰ Определение «гений чистой красоты» в применении к Потугину имеет прощальный смысл. Потугинскому пониманию красоты как красоты внешних европейских форм Достоевский противопоставляет в черновых материалах красоту высшего нравственного идеала русского народа.

«... Вспомните Обломова, вспомните „Дворянское гнездо“ Тургенева, — пишет Достоевский. — Тут, конечно, не народ, по все, что в этих типах Гончарова и Тургенева векового и прекрасного, — все это от того, что они в них соприкоснулись с народом, это соприкосновение с народом придало им необычайные силы. Они заимствовали у него его простодушие, чистоту, кротость, широкость ума и незлобие, в противоположность всему изломанному, фальшивому, наносному и рабски заимствованному» (22, 44).

В черновом автографе главы после заключительных слов приведенного выше текста следовала восторженная оценка образа Лаврецкого и романа «Дворянское гнездо»,³¹ существенная для понимания отношения Достоевского к творчеству Тургенева в целом. «Поэтическую мысль» романа Тургенева Достоевский усматривает в трагическом конфликте Лаврецкого, «простодушного, сильного духом и телом, кроткого и тихого человека, честного и целомудренного», «со всем нравственно-грязным, изломанным, фальшивым, наносным, заимствованным и оторвавшимся от правды народной» (22, 189).

Историческая заслуга Тургенева-художника, по Достоевскому, состоит в том, что он первый в русской литературе в образе Лаврецкого воплотил мечту «всех поэтов наших и всех страдающих мыслию русских людей» (т. е. интеллигенции, в том числе западников и славянофилов) о слиянии «оторвавшегося общества русского» с «душою и силой народной».

Для Достоевского Лаврецкий — это тип искомого русского образованного человека, самое существование которого как бы является «пророчеством возможности соединения с народом». Именно поэтому «Дворянское гнездо» «есть произведение вечное» и «принадлежит всемирной литературе».

«Уж меня-то не заподозрят в лестн г-ну Ив. Тургеневу, — добавляет Достоевский. — Выставил же я это произведение его потому, что считаю эту поэму, из всех поэм всей русской литературы, самым высшим оправданием правды и красоты народной. Выставил же я произведение г-на Тургенева и потому еще, что г-н Ив. Тургенев, сколько известно, один из самых [ярких] односторонних западников по убеждениям своим и представил нам позднее дрянной и глупешкий тип — Потугина, с любовью парисованный [и представляющий], олицетворяющий собою идеал сороковых годов педантизма Россия и народа русского, со всей ограниченностью сороковых годов, разумеется <...> Об этом Потугине <...> я еще поговорю <...> конечно потом...» (22, 189—190).³²

³¹ См. подготовленные нами варианты чернового автографа этой главы (22, 189—190).

³² Ср. заметку в другом месте чернового автографа: «Тургенев. И этот даже может быть больше всех, я именно упираю на Тургенева потому, что он яркий западник и издал своего северного и глупешкого Потугина, которым я памирски занимаюсь. Кажется, меня-то уже не заподозрят в лестн г-ну Тургеневу, г-ну Ив. Тургеневу» (22, 186).

Эта замечательная характеристика романа «Дворянское гнездо» и его главного героя — высшее признание Достоевским заслуг Тургенева-художника как подлинно народного писателя. С таким высоким пафосом Достоевский говорил лишь о Пушкине. Не случайно он упоминает Тургенева в числе последователей Пушкина, осуществивших, по завету своего учителя, дальнейший «поворот к народу» русской литературы.

В своей оценке Лаврецкого и «Дворянского гнезда» в целом Достоевский близок Аполлону Григорьеву, который в 1859 г. в статье «И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа „Дворянское гнездо“» дал почвепивческую интерпретацию романа Тургенева.

Именно А. Григорьев первым увидел в Лаврецком русского образованного человека, смирившегося перед «народной правдой». Лаврецкого как человека «жизни» и «почвы», русского по своему существу, критик противопоставил Пашину как человеку «теории» (таков же смысл противопоставления Лаврецкого Потугину у Достоевского).

«Смирение перед народной правдой» — эти слова Лаврецкого³³ А. Григорьев поставил эпитафией к статье «После „Грозы“ Островского. Письма к Ив. Серг. Тургеневу» (1860). Обращаясь к Тургеневу, критик напоминает: «Это одно, что осталось нам, это именно и есть „смирение перед народной правдой“, которую так силен вал разбитый Лаврецкий. Иначе, без смирения перед жизнью, мы станем непривзванными учителями жизни, непрощеными пачальниками народного благоденствия, — а главное, будем поставлены в постоянно ложные положения перед жизнью».³⁴

Победа «почвы», в представлении А. Григорьева и Достоевского, — победа живой жизни над отвлеченными теориями.

Возможно, что именно новому обращению Достоевского к «Дыму» и Потугину мы обязаны появлению в черновой рукописи «Дневника писателя» замечательной характеристики «Дворянского гнезда» и Лаврецкого. Ее смысл (открытый в черновом автографе и скрытый в законченной редакции главы) — в противопоставлении Лаврецкого как «почвенного» русского интеллигента и патриота Потугину, беспочвенному космополиту-западнику, «ненавистнику России и народа русского». Для Достоевского Лаврецкий с его смирением перед народной правдой — свидетельство возможности сближения интеллигенции с народом, в то время как Потугин, презирающий «народные начала» и слепо преклоняющийся перед европейской цивилизацией, — наглядное доказательство крайнего разрыва европеизированной русской интеллигенции с родной почвой.

³³ Ср.: «Лаврецкий (...) требовал прежде всего признания народной правды и смирения перед ней — того смирения, без которого и смелость противу лжи невозможна...» (Т. Соч., VII, 232).

³⁴ Григорьев А. Литературная критика. М., 1967, с. 379.

Другая цель Достоевского — противопоставить Тургенева как подлинно народного писателя, признавшего прекрасными народными идеалами (автор «Записок охотника» и «Дворянского гнезда»), Тургеневу — «западнику» и «космополиту», «изменившему» народной правде (автор «Дыма»). Лаврецкий и Потугин — это как бы два разных лица самого Тургенева. Это двойное противопоставление проходит завуалированно через многие страницы «Дневника писателя».

Свое обещание специально «заяться» Потугиным³⁵ Достоевский собирался осуществить в мартовском выпуске «Дневника писателя». Один из черновых планов этого выпуска заканчивается записью: «А после всего Потугин. Значение Тургенева» (24, 144—145).

Очевидно, Достоевский намеревался вернуться к несуществующему в февральском выпуске «Дневника писателя» замыслу дать общую оценку творчества Тургенева на основе анализа «Дворянского гнезда» и провести параллель между Лаврецким и Потугиным.

«Я сказал, что ждать от народа, от православия, — пишет Достоевский в мартовских черновиках 1876 г., имея в виду февральский выпуск «Дневника писателя». — Я указал на Тургенева и проч. Но это лишь попытки, намеки. — ... Потугин. *Взгляните на Потугиных* — вам поповоле придется остановиться на литературе *дела*. Но у них потому и талантов нет, что дело еще не разъяснено и что пока еще лишь *мечта*» (24, 159).

Достоевский ставит Потугина в один ряд с героями «дела», т. е. с псевдавшимися в литературе образами деятелей (в применении к Потугину «дело» понимается как проповедь служения отвлеченной «европейской цивилизации»).

Целая серия черновых записей, характеризующих русскую и западноевропейские литературы в их отношении к эстетическому идеалу, наводит на мысль, что Достоевский собирался писать специальную статью на эту тему.³⁶

«Литературе отчаяния» (современная литература, лишенная высоких идеалов) и псевдавшейся литературе «дела» (т. е. деятелей и деятельности) Достоевский противопоставляет «литературу красоты», которая «одна лишь спасет».³⁷ К «литературе

³⁵ Ср. февральскую черновую запись: «А дело есть. Оно уже схвачено. Тихон, Мономах, Илья, но однако все это идеалы народные. Недалеко ходить, у Пушкина, Карагаев, Манар Иванов, Обломов, Тургенев (Лаврецкий, — Н. В.), ибо только положительная красота и останется на века. Потугин. Потугиным я займусь. Я имею право: я поставил Тургенева одним из самых первых (т. е. в ряду писателей, смирившихся с народной правдой. — Н. В.)» (22, 153).

³⁶ См. также: *Розенблюм Л. М.* Творческие дневники Достоевского, с. 158—161.

³⁷ Ср. черновую запись: «Прекрасное в идеале недостижимо по чрезвычайной силе и глубине запроса. Отдельными явлениями. Оставайтесь правдивыми. Идеал дал Христос. Литература красоты одна лишь спасет».

красоты», соприкоснувшейся с высшим идеалом прекрасного, Достоевский отсылает «Отверженных» Гюго, отчасти Диккенса, а в России — Пушкина, «Отрочество» и «Войну и мир» Толстого, «Обломова» Гончарова, «Дворянское гнездо» Тургенева, подтвердив тем самым чрезвычайно высокую оценку, данную им этому роману в февральском выпуске «Дневника писателя» 1876 г. и в черновых материалах к нему.

(24, 167). См. также: Фридендер Г. М. Эстетика Достоевского. — В кн.: Фридендер Г. М. Достоевский и мировая литература. М., 1979, с. 62—140.

В. Е. БАГНО

К ИСТОЧНИКАМ ПОЭМЫ «ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР»

Роман «Братья Карамазовы» в целом и заключенная в нем легенда, в которой затронуты центральные проблемы, волновавшие писателя к концу его жизни, созданы на основе огромного круга самых разнообразных книжных и устных источников. Литературные и исторические источники поэмы, и даже тот широкий круг сооставлений, ассоциаций и литературных параллелей, границы которого могут непрерывно раздвигаться, имеют принципиальное значение, так как оригинальность замысла Достоевского может быть выявлена только на основе их всестороннего изучения. Естественно, что работа должна идти не в направлении простой констатации черт сходства и совпадений. Как справедливо заметил В. А. Туниманов, «проблематика поэмы настолько обща, что параллели можно проводить бесконечно, поведя ли что способен объяснить длинный реестр аналогий и „заимствований“».¹

Интересующей нас теме посвящено немало талантливых работ, в которых с большей или меньшей убедительностью выдвигались такие литературные и исторические источники легенды, как «Дон Карлос» Шиллера, «Опыты» Монтеня, «Жизнь Иисуса» Давида Штрауса, стихотворение А. Н. Майкова «Исповедь королевы», произведения Вольтера и Гюго, «Камелый гость» Пушкина, «Мельмот Скиталец» Ч. Р. Метьюрина, книга В. Прескотта «История царствования Филиппа II, короля испанского», картины Эль Греко, Веласкеса и Дюрера, отголоски в печати западноевропейской общественно-политической жизни 1860—1870 гг. и т. д. Было отмечено, наконец, что проблематика поэмы «Великий инквизитор» просматривается уже в повести «Хозяйка» и во многих публицистических статьях Достоевского. Весь этот громадный материал подвергнут обобщающему анализу в комментариях к роману в академическом собрании сочинений писателя, в разделе, написанном Г. М. Фридендером и Е. И. Кийко (см.: 15, 462—465). Представляется возможным сделать некоторые дополнения к этому списку произведений, находившихся в поле зрения Достоевского при создании поэмы.

¹ См.: Туниманов В. А. О литературном и историческом «прогностике» Великого инквизитора. — Учен. зап. Кавказского гос. ун-та. Сер. Филол., Грозный, 1968, вып. 15, № 27, с. 29.